

А.В. Калякина

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МУЗЕИ И ОБЩЕСТВО

Вторая половина XIX в. ознаменовалась расцветом культурной жизни в большинстве регионов Центральной России. Это проявилось в создании разнообразных учреждений культуры: музеев, библиотек, театров; в формировании культурной среды; в возникновении устойчивого интереса к региональной истории, народному быту, традициям. За всем этим стояла провинциальная общественность, формировавшаяся из местной интеллигенции, дворянства, военных и заметно влиявшая на культурное и экономическое развитие провинции. Общественность активно участвовала в работе организаций, создаваемых по инициативе властей, позже сама стала инициировать создание обществ, оказавших влияние на культурную жизнь страны. Наиболее ярко на этом поприще проявили себя ученые архивные комиссии, созданные в четырех губерниях в начале 1880-х гг. и ставшие импульсом к развитию региональной культурной жизни.

В настоящей статье рассматривается деятельность Орловской ученой архивной комиссии и институтов, ею созданных, выявляются сферы и формы взаимодействия этой организации и провинциальной общественности. Выбор в качестве объекта исследования деятельности Орловской ученой архивной комиссии не случаен. Комиссия работала с 1883 по 1918 г., она вела широкую научно-исследовательскую и просветительскую деятельность, ее стараниями был создан один из первых в России губернских музеев. Анализ деятельности комиссии на Орловщине позволяет сделать выводы о влиянии подобного рода учреждений на социокультурное развитие и других российских регионов. Источниками для исследования послужили материалы Государственного архива Орловской области, «Труды Орловской ученой архивной комиссии» (1885—1906), материалы региональной периодической печати и мемуарная литература.

Учреждение Орловской ученой архивной комиссии состоялось в ходе выполнения положения Комитета министров и распоряжения МВД от 13 апреля 1884 г. Подобные комиссии создавались в ряде губерний Центральной России: Тверской, Рязанской, Тамбовской — «с целью разыскания и разумного сохранения разного вида памятников старины»¹. В полномочия нового органа входил разбор архивных дел, составление описей и указателей, расположение их в порядке, необходимом для ученых занятий. Однако рассматривать архивные комиссии лишь как орган, занимающийся обработкой архивных документов, неверно. Их задачи, по мнению

учредителей, были значительно шире. Комиссии должны были превратиться в общественный институт, изучающий, собирающий и пропагандирующий историю государства всеми возможными средствами. В Положении Комитета министров от 13 апреля 1884 г. сфера деятельности комиссий определена следующим образом: "...собирают сведения о древности края, устраивают исторические музеи, знакомят публику с открытыми памятниками, распространяют археологические и исторические сведения"². Комиссия составлялась из людей, "могущих быть полезными делу". Ей придавался полуофициальный статус, контроль со стороны власти осуществлял губернатор — попечитель комиссии. Большую роль в открытии Орловской ученой архивной комиссии сыграл известный петербургский историк, сенатор, директор Археологического института Н.В. Калачёв. Открывая комиссию, он высказал твердое убеждение, что "в самом недалеком будущем скажутся результаты трудов комиссии, и что общество, сознав их полезность и даже необходимость, с благодарностью отнесется к ним"³. Уже при создании комиссии организаторы осознавали и подчеркивали ее высокую социальную миссию, общественное предназначение. Будучи подконтрольными МВД, комиссии рассматривались властями как институт общественный, ее члены работали безвозмездно.

Состав комиссии менялся на протяжении всего ее существования. Вначале она имела дворянский характер, в ней сотрудничали И.Ф. Тютчев, представители семейства Шеншиных, председателем был князь А.Б. Сонцев-Засекин. Просвещенная часть тогдашнего губернского общества, интересующаяся историческими изысканиями и способная посвятить им свой досуг, была представлена дворянами. На рубеже веков членами комиссии становятся чиновники губернской канцелярии, земств, учителя гимназий, студенты Кадетского корпуса. В 1905 г. с просьбой о принятии его членом ученой архивной комиссии обратился болховский полицмейстер И.В. Четыркин. В качестве вступительного сочинения он представил Записку о современном состоянии вверенного ему г. Болхова. Материал Записки был признан интересным с краеведческой точки зрения, и полицмейстер стал членом комиссии. В начале XX в. социальный состав комиссии значительно расширяется, становится более демократичным. Причин тому было несколько. Энтузиазм сотрудников комиссии, их увлеченность привлекали в комиссию людей, на первый взгляд далеких от историко-краеведческих изысканий. Демократизация состава комиссии свидетельствовала об изменениях, происходивших в русском обществе в целом. Провинциальное общество, дольше столичного сохранявшее свой дворянско-чиновнический характер, менялось. Все более заметную роль в нем играют выходцы из широких социальных слоев.

В существовании комиссии ее члены выделяли несколько этапов: создание, застой, улучшение работы. Эту периодизацию предложил в 1903 г. тогдашний председатель А.Н. Шульгин. В отчете, подготовленном для губернатора и МВД, он проанализировал деятельность комиссии за почти двадцатилетний срок. Первый период начинался созданием комиссии и завершался 1900-ми гг. На этом этапе происходило становление приоритетов в деятельности комиссии, определялись формы ее работы. В 1885 г. стали выходить «Труды Орловской ученой архивной комиссии», изыскания членов комиссии публиковались в исторических журналах «Русская старина», «Исторический вестник». В 1890-х гг. в деятельности комиссии наметился спад, все реже проходили заседания, дела пришли в упадок, секретарь комиссии Броун не справлялся со своими обязанностями. Увеличился объем архивных дел, присылаемых в комиссию из Казенной палаты. Научная и краеведческая малоценность документов приводила к тому, что члены комиссии под разными предлогами уклонялись от их чтения. Между тем значительный объем документации требовал «для разбора этих дел не несколько человек, добровольно, безвозмездно посвящающих свои досуги, а целое обширное бюрократическое оплачиваемое учреждение»⁴.

Самое яркое событие начального периода существования архивной комиссии — создание губернского музея, ставшего результатом исследовательской и собирательской работы, формой самовыражения. Вместе с тем неопределенный статус, навязанная неинтересная и не соответствующая цели комиссии работа, отсутствие финансирования, редкие собрания стали причиной угасания интереса к делу, обновление комиссии прекратилось. И все же первый этап стал временем накопления сил, осознания приоритетов деятельности, выработки форм работы. Спад активности комиссии можно объяснить тем, что на смену одному поколению исследователей приходит новое (часто не в возрастном, а в качественном, профессиональном плане), меняется стиль работы. В это время совершился переход от дилетантизма к профессиональной деятельности.

Новый этап в работе комиссии начался в 1900-х гг., ее председателем стал отставной генерал А.Н. Шульгин, секретарем — А.К. Юрасовский⁵. Они более профессионально относятся к своему делу, стремятся создать общественно значимый образ архивной комиссии, разрабатывают корпоративные документы — бланки, печать, штамп, папки для документации. Проводятся археологические обследования уездов, составляются и публикуются обобщающие исследования по истории губернии. Препятствием в работе было отсутствие финансирования. В упомянутом выше отчете А.Н. Шульгин писал, что для успешной деятельности комиссии

требуется “ежегодной субсидии — 2000 рублей; документы на разбор присылать из 1—2-х соседних губерний; бесплатная присылка почтовой корреспонденции и необходимо определить круг обязанностей”⁶.

Члены комиссии участвовали в историко-археологическом движении, широко развернувшемся в России. Они сотрудничали с Императорской археологической комиссией, с Московским археологическим обществом, регулярно участвовали в Археологических съездах. Расширился круг научных интересов. Наряду с традиционными архивными и краеведческими изысканиями, археологическими раскопками активизируется сбор этнографического материала. Интерес вызывают не только произведения устного народного творчества, но и народная одежда, быт, обряды. Собранный этнографический материал был использован во время проведения Орловской сельскохозяйственной выставки 1903 г. Члены комиссии разработали экспозицию, привезли и разместили экспонаты, продумали программу. Чтобы оживить экспозиционные предметы, способствовать комплексному восприятию этнографического раздела, были приглашены народные кобзари и лирники, исполнявшие старинные песни и баллады. Впоследствии часть экспонатов этнографической выставки, переданная в губернский музей, стала основой этнографического отдела.

Выставка 1903 г. имела огромное значение для повышения авторитета комиссии среди горожан. Общественное мнение признало организацию выставки особенно удачной, на деятельность комиссии обратили внимание представители прессы и науки. Участие комиссии в организации экспозиций было не только данью тогдашней моде, но и попыткой найти новую форму воздействия на общество, выставить перед обществом “свою деятельность с ясной для него стороны”, побудить общество к сотрудничеству. Члены комиссии действовали как профессиональные музейные работники. Они нашли новый способ пополнения музейных коллекций. Публика, заинтересованная выставкой, принесла в дар музею предметы, иллюстрирующие сельскохозяйственный быт и позволившие разрабатывать этнографию края. Очевидно, что комиссия все больше склонялась в своей деятельности к формам музейно-выставочной работы. Через реализацию основных музейных функций комиссия могла заниматься сбором историко-археологических памятников, изучением историко-культурного наследия и его интерпретацией.

Постепенную трансформацию и других архивных комиссий в направлении музейной деятельности отметили курировавшие их работу государственные органы. С 1903 г. МВД работало над реорганизацией ученых архивных комиссий в архивно-археологические с целью уточнения сферы их интересов. В разработанном

проекте усиливалась просветительская роль комиссий и общественный характер деятельности. В их обязанности предполагалось включить создание научных экспозиций, организацию осмотра и изучения памятников местной старины и исторических местностей. Фиксировались уже прочно вошедшие в практику публичные лекции, причем лектории предполагалось дополнить проведением на базе губернских комиссий историко-археологических съездов. Целевая направленность деятельности комиссий приводилась в соответствие со временем и накопленным опытом, она должна была состоять в “распространении в обществе научных знаний и сочувствия к отечественной старине”⁷. Архивно-археологическим комиссиям предстояло заполнить пустующую нишу губернских культурно-просветительных учреждений, возглавить музейное и краеведческое движение в русской провинции. Но они так и не были созданы. В губерниях продолжали действовать ученые архивные комиссии, важнейшим направлением которых была работа по созданию и поддержанию губернских музеев, чтению публичных лекций, сохранению историко-культурных памятников. Деятельность ученых архивных комиссий имела заметный резонанс в провинциальном обществе. Появился серьезный интерес к историческому прошлому региона, начали проводиться первые археологические и палеонтологические исследования, а их результаты находили конкретное выражение в печатных трудах и первых губернских музеях. Вместе с тем уже начальный этап существования комиссий выявил острые проблемы, связанные с финансированием, размещением, с профессиональным уровнем их членов.

Губернский музей

Здесь ум пыливый и глубокий
Найдет разгадку прежних дней.
Здесь память старины глубокой
Нам сохранит родной музей⁸.

Вскоре после учреждения архивных комиссий при них стали возникать исторические и историко-археологические музеи, архивы и библиотеки. Это закономерно вытекало из общего характера деятельности комиссий. Предметы старины, археологические и палеонтологические находки оказывались в их распоряжении в ходе изучения территории региона, старинные манускрипты — в результате архивных и научных поисков, многое дарили местные жители. Демонстрация и интерпретация сформировавшегося фонда вещественных памятников стали важной задачей. На базе этих вещественных памятников и были созданы первые музейные экспозиции. Музей рассматривался как органическая часть комиссии, являясь не только результатом ее прошлой деятельности, но и формой ее самовыражения и самопрезентации в обществе.

Музей при Орловской ученой архивной комиссии появился задолго до того, как он сделался публичным. Он имел характер закрытого собрания, плохо систематизированного и малоизученного. Собранные предметы не экспонировались, так как не было ни специального оборудования, ни группировки предметов в коллекции. В ежегодных отчетах комиссии библиотека и музей проходят отдельным пунктом, отмечается количество и характер новых поступлений. В журнале заседаний за 1888 г. зафиксировано, что “член комиссии И.В. Ливанский пожертвовал два автографа Суворова, Ермолова и план села Спасское”⁹, в отчете за 1895 г. перечислены дары музею от “епископа Орловского и Севского — шесть древних серебряных монет; орловский губернатор передал — две челюсти и кости допотопных животных, найденные в Ливенском уезде; землевладелец Зиновьев — древний меч; член комиссии Казанцев — часть древней кольчуги и серебряную медаль за взятие Парижа 19 марта 1814 года”¹⁰. Очевидно, что первоначальная музейная коллекция была эклектична по своему составу, стихийна и кунсткамерна. Вероятно, русские провинциальные собиратели должны были пройти те же этапы, что были пройдены в Европе. К такому выводу приводит простое перечисление предметов из музейного собрания: клыки, кости и зубы мамонтов (таких редкостей много находили по берегам рек Оки, Орлика), окаменелые раковины, предметы восточного оружия, артефакты. Вместе с тем музейному собранию уже на самом раннем этапе была присуща комплексность в подборе предметов. Благодаря этому удавалось создать целостное впечатление о регионе: проследить историю с доледникового периода, предметно документировать этапы освоения и заселения края, зафиксировать и изучить следы значимых исторических событий.

В 1895 г. комиссия приняла решение — составить каталог книг, археологических предметов и манускриптов, а также выделила 25 руб. на приобретение витрин для музея. Привести музей в порядок было поручено известному орловскому коллекционеру, члену комиссии Ф.Ф. Похвалинскому. Это был важный этап в судьбе музея. С этого времени он перестает рассматриваться лишь как место ученых занятий и превращается в объект, достойный внимания общества. Приобретение витрин необходимо не столько для организации хранения памятников, сколько для их демонстрации общественности. Это свидетельствует о качественных изменениях в характере музейного собрания, в отношении членов комиссии к музейному собранию. Предметов стало больше, собрание переросло понятие корпоративного собрания и приобрело социальный статус.

Качественные изменения в характере музея были связаны и с видами работы комиссии, ориентированными на общество. Комиссия освоила просветительскую деятельность — чтение лекций,

экскурсии, беседы. Основными слушателями являлись студенты и учащиеся. Лекции читались в течение учебного года, но особенно интересными и востребованными были летние занятия, представлявшие собой рассказ и демонстрацию археологических, архитектурных или художественных памятников. В этих занятиях сочетались исследовательский, познавательный и обучающий аспекты. Учащиеся помогали в составлении карт археологических памятников, особенно часто объектами их исследований становились курганы. С помощью таких занятий можно было заинтересовать молодежь деятельностью комиссии, а также решить сугубо научные задачи составления планов курганных групп в окрестностях Орла. Очевидно, что еще до открытия музея накапливался и апробировался разнообразный арсенал чисто музейных форм работы.

Просветительская деятельность архивной комиссии стимулировала рост интереса губернской общественности к истории. Энтузиазм такого рода характерен для тогдашнего русского общества. В стране развернулось музейное строительство, открывались столичные и губернские музеи, активно действовали научно-исторические общества, газеты широко сообщали о результатах археологических раскопок. Власти поддерживали эти изыскания. Почетный председатель комиссии орловский губернатор А.Н. Трубников в 1896 г. «сообщил о предоставлении комиссии особого помещения, из двух комнат в здании губернского правления, где со временем мог быть устроен губернский музей наподобие музеев в других губерниях»¹¹. Преобразование музея Орловской ученой архивной комиссии в губернский имело ряд предпосылок. Это разнообразные, пусть и немногочисленные, музейные коллекции, укоренившиеся в практике городской культурной жизни просветительские мероприятия, общероссийское историко-краеведческое движение, музейное строительство в общероссийском масштабе, творческий потенциал архивной комиссии, выделение площадей для размещения экспозиции.

В октябре 1896 г. комиссия приняла решение об устройстве в Орле музея: «Организовать музей как собрание материалов прошлого и нынешнего состояния Орловского края из документов, исследований и сочинений, касающихся всех отраслей минувшего и нынешнего состояния быта, жизни и средств края, а также из тех предметов, которые должны служить образцами для изучения всего этого»¹². Специальная подкомиссия разработала проект музея, наметила основные разделы экспозиции: географический, естествознания, этнографический, археологии и нумизматики, церковно-исторический, истории и археологии, народного образования, сельскохозяйственный, промышленности и торговли, научный, литературный, художественный. Экспозиционная структура строилась с учетом опыта музейно-выставочного экспонирования и на основе имеющихся коллекций. Предложив подобную струк-

туру, подкомиссия намечала основные направления формирования музейных фондов в будущем. Созданием первой экспозиции занималась образованная летом 1897 г. “рабочая группа”, куда входили лучшие творческие силы архивной комиссии — Ф.Ф. Похвалинский, К.В. Ферро, С.А. Блохин. Они отобрали наиболее интересные экспонаты — предметы каменного века, артефакты, кости ископаемых животных. В первую экспозицию было включено и несколько реликвийных вещей, отмеченных общеисторическим и местным колоритом, — стул царя Алексея Михайловича, кресло Екатерины II. “Рабочая группа” понимала несовершенство имеющегося собрания, его эклектичность и неполноту. Пополнить музейное собрание пообещала Императорская археологическая комиссия, а городская управа открыла для комиссии городской архив и предоставила необходимые для музея сведения. Кроме научной помощи требовалась и материальная поддержка. Устроители обратились к губернской общественности. Была организована подписка для приобретения в музей обстановки и мебели. Сама комиссия выделила 200 руб. на покупку витрин, 50 руб. пожертвовал губернатор А.Н. Трубников, 62 руб. — остальные члены комиссии, а перерасход принял на себя Ф.Ф. Похвалинский.

В декабре 1897 г. состоялось торжественное открытие музея, с молебном и хором певчих. Газета “Орловские губернские ведомости” посвятила этому событию большую статью, особое внимание уделив истории создания музея, были напечатаны стихи-приветствие. В том же номере приводилось описание первой экспозиции: “В центре стол, покрытый темно-малиновым сукном, с четырьмя канделябрами в египетском вкусе, массивная березовая мебель в русском стиле местной работы, обтянутая того же цвета сафьяном и темно-малиновые драпировки на окнах. Около стен размещены витрины, с коллекциями древностей, значительную часть коих составляют кости и бивни мамонтов, за неимением для них постаментов лежат пока на полу”¹³.

После официального открытия музея изменился лишь его статус. Штат формировался из членов архивной комиссии, пополнением музейных коллекций продолжала заниматься она же. Комиссия и музей были неразрывны, являя собой части одного целого. Называясь Орловский губернский музей, он по-прежнему оставался “корпоративным” музеем, находящимся на научном и финансовом иждивении архивной комиссии. Но даже формальные изменения потребовали решить ряд вопросов: об организации внутренней структуры, о принципах и способах комплектования музейных фондов. Особо важной была проблема управления музеем. Для заведования был создан специальный комитет, избиравшийся на три года, состоявший из председателя, хранителя коллекции, библиотекаря, хранителя исторического архива и их заместителей. У “коллективной” системы управления имелись уязвимые места:

большое число людей имело доступ к коллекциям и могло выдавать музейные предметы сторонним лицам, разрешать внеурочное посещение экспозиции. Отсутствовала персональная ответственность за коллекции. Со временем эта управленческая система претерпела изменения, все большую роль стали играть хранитель и его помощник, несшие ответственность за коллекции.

Первоначальный этап музейного строительства в России ознаменован поисками наиболее удобной системы внутренней организации, позволяющей музею выполнять его главное предназначение — хранить, изучать и интерпретировать прошлое. Шел процесс самоорганизации и осознания своих внутренних задач. Оформлялось представление о правах и обязанностях музейных хранителей, их материальной и моральной ответственности за порученные им коллекции. Уточнялся режим работы фондов и правила посещения экспозиции. Все это свидетельствовало о том, что музей из дилетантского, “корпоративного” превращался в социально значимый профессионально организованный институт.

Каждый губернский музей вносил в музейное строительство свою лепту. Важным вкладом Орловского губернского музея в дело музейного строительства в России стала разработка в 1899 г. проекта устава музея. Этот документ стал одним из первых музейных уставов в России. В целом документ отличается четкостью и краткостью изложения целей музея, целостным представлением об основных направлениях деятельности. В уставе выделена триединая цель музея: “...а) сосредоточение предметов и научных данных, характеризующих минувшее и настоящее состояние Орловского края, а также литературных и художественных произведений, преимущественно местных уроженцев, и относящихся до края; б) предоставление обществу возможности ознакомления с этими предметами, научными данными и произведениями; в) способствование к распространению полезных сведений”¹⁴. Устав рассматривал музей как хранилище материальных предметов, как учреждение социально ориентированное, не замыкающееся только в своих узконаучных интересах, знакомящее общество со своими научными изысканиями. Цели музея имели несколько миссионерский (просветительский) подтекст, так как идея “распространения полезных сведений” вполне укладывается в рамки просветительских концепций. Все это свидетельствует о формировании уже на самом раннем этапе социально ориентированного характера музея.

В уставе нашла отражение основополагающая константа всех музейных собраний: музейные предметы не могут быть отчуждаемы. Исключение составляли дубликаты или предметы, не имеющие отношения к музею. Устав определил право и обязанность музея приобретать предметы в коллекции, а не соответствующие

музейному профилю продавать для пополнения своего бюджета. В вопросе финансирования музей рассчитывал прежде всего на Архивную комиссию, а также на сборы от чтения публичных лекций, добровольные пожертвования, суммы за отчуждаемые предметы. Изыскание средств также включалось в обязанности и права музея. В целом устав, разработанный Орловской ученой архивной комиссией, позволял структурировать музейную работу, упорядочить коллекции, более результативно и предметно вести работу с губернской общественностью. С момента своего возникновения Орловский губернский музей являл собой образец самостоятельного подхода к решению общероссийских проблем музейного строительства.

Принципы формирования музейных коллекций

Коллекции губернского музея формировались несколькими путями: результаты полевых исследований, дарение, покупка, обмен. Со временем были найдены новые источники пополнения музейного собрания. Палеонтологические и археологические обследования местности, раскопки, часто носившие любительский характер, — один из первых и постоянных путей пополнения коллекции. Благодаря этому наиболее интересными и разнообразными частями экспозиции были именно археологический и палеонтологический разделы. Обследуя местность в городах и селах губернии, члены комиссии обнаруживали окаменелости, следы городищ, артефакты. Эти предметы предопределили первоначальное направление коллекционирования и характер первой экспозиции — историко-палеонтологический. Члены архивной комиссии выступали в роли первопроходцев, которые изучали геологическое, археологическое и историческое прошлое края, не имея для этого ни достойных помощников на местах, ни знающих коллекционеров. Обследования носили любительский характер, этот путь пополнения коллекций имел характер случайности, вел к стихийности коллекционирования, следствием чего была хаотичность и разношерстность собрания. О полноте коллекции говорить было сложно. Вместе с тем путь организации разного рода раскопок под эгидой музея соответствовал целям и задачам музейного коллекционирования, был вполне научной формой музейной деятельности. Уже на раннем этапе музей инстинктивно нашел один из наиболее “музейных” способов пополнения музейного собрания.

Другой путь пополнения коллекций — дары музею. Большинство дарителей являлись членами комиссии, их дары имели высокую историческую и художественную ценность. Особенно много даров получил музей в период 1904—1905 гг., когда многие члены архивной комиссии, отправляясь на Русско-японскую войну, желали оставить о себе память. Мобилизованный в действующую

армию “член комиссии В.Р. Апухтин принес в дар этнографическому отделу, открывшемуся при губернском музее, манекены. Это очень ценный дар, так как на столичных выставках коллекции Апухтина имели большой успех и высокую оценку”¹⁵. Братья погибшего под Порт-Артуром члена комиссии К.К. Юрасовского подарили музею предметы восточного оружия XIII в. и чучело большого медведя. Особняком в череде дарителей стоит августейший покровитель комиссии великий князь Михаил Александрович. Он передал в губернский музей свой исторический костюм, изготовленный по эскизам академика живописи Солнцева для знаменитого костюмированного бала 1903 г. Сшитые из дорогих тканей, украшенные жемчугами и золотым шитьем шапка, кафтан, опашень, рубашка, пояса, шаровары, выполненные из тонкой кожи краги и сапоги переданы были Михаилом Александровичем в 1905 г. в губернский музей и выставлены в экспозиции для всеобщего обозрения. Не являясь в полном смысле слова историческим, этот костюм, бесспорно, представлял большой интерес как опыт художественной реконструкции исторических костюмов XVII в.

Положительная сторона пополнения фондов музея с помощью дарения — малозатратность. Музею и архивной комиссии, испытывавшим постоянный финансовый дефицит, не надо было тратить на приобретение того или иного предмета. Но обратной стороной дарений была их спонтанность, порой несоответствие дара общему профилю музейного собрания. Кроме того, дарение часто не имело научной ценности. Со временем от этого балласта решено было избавиться, чтобы освободить место и увеличить средства комиссии.

Самостоятельное и целенаправленное приобретение предметов было очень затруднительно для музея и комиссии в связи с крайне ограниченными финансовыми средствами. В первые годы комиссия получала небольшие субсидии от МВД, потом эти субсидии прекратились. Иногда помощь оказывали земские учреждения разного уровня. Губернская земская управа безвозмездно предоставляла помещение для заседаний комиссии и для ее музейного собрания, оплачивала канцелярские и почтовые расходы комиссии. Иногда уездные земства выделяли небольшую разовую помощь. Но этих средств катастрофически не хватало. Позже помощь от земств прекратилась, поэтому приобретать предметы в коллекции музей не мог. Иногда комиссия получала целевое пожертвование. Такими жертвователями были и частные лица, и официальные персоны. В 1905 г. комиссия заинтересовалась предложенной ей коллекцией брянского собирателя С.А. Чуева. Коллекция сформировалась во время археологических раскопок, проводимых в имении Чуева. Наряду с археологическими предметами в ней имелись нумизматический и палеонтологический разделы. Но при-

обретение коллекции стоило довольно дорого — 100 руб. У музея имелась лишь половина требуемой суммы. Тогда другую половину суммы взял на себя епископ Орловский и Севский Курион, пожертвовав 50 руб. Такой случай был скорее исключением, нежели правилом, поэтому этот путь пополнения музейного собрания был для губернского музея нетипичен.

Еще один путь пополнения коллекций — обмен между музеями и историко-археологическими обществами. Межмузейные связи позволяли пополнить формирующиеся собрания губернских музеев. Орловский губернский музей, не имея достаточных средств для расширения коллекций, обращался за помощью в различные столичные общества и комиссии. Нельзя не отметить, что отношения носили взаимовыгодный характер. Цель таких обменов — получение предметов, дополняющих картину исторического прошлого губернии. Одним из постоянных партнеров Орловского музея была Императорская археологическая комиссия. В 1900 г. она передала в дар “клад старинных серебряных русских копеек (2 фунта 41 золотник), найденный близ Каширы Тульской губернии”¹⁶. В 1902 г. Орловская архивная комиссия передала в Императорскую архивную комиссию серебряную фибулу. В обмен для губернского музея были обещаны исторические предметы, касающиеся Орла. Эти связи имели устойчивый и взаимовыгодный характер. Императорская археологическая комиссия имела возможность сосредоточить в столичных музеях наиболее ценные экспонаты, имеющиеся на местах. Губернские музеи получали предметы, может быть, не самые ценные, но регионально значимые. Уже на этом этапе возникает проблема снижения научного и ценностного уровня региональных коллекций и искусственного концентрирования наиболее важных культурных ценностей в столичных музеях.

Основными объектами обмена между музеями того времени были книги, макеты археологических и исторических памятников, научно-вспомогательные материалы. И столичные и провинциальные музеи внимательно изучали опыт друг друга, находились в тесной профессиональной связи, замечая и используя инновационные находки коллег. Местом такого обмена опытом и установления новых контактов были этнографические и археологические выставки и съезды, куда обычно командировались представители как столичных, так и провинциальных музеев. В 1903 г. в Орле проводилась этнографическая выставка, на которой присутствовал представитель Московского публичного и Румянцевского музеев Борзов. После выставки он сделал доклад о заинтересовавших его экспонатах выставки. В сентябре того же года хранитель отдела древностей Московского публичного и Румянцевского музеев обратился в Орловский музей с просьбой “пожертвовать в отделение

древностей Румянцевского музея модель доисторического городища. Эта модель представила бы значительный интерес для нашей археологической коллекции”¹⁷.

Очевидно, что в это время музеи искали пути и способы пополнения своих коллекций, устанавливали профессиональные связи. Главным препятствием на пути целенаправленного формирования региональных музейных собраний было отсутствие специалистов и материальных средств. Губернские музеи были детищем энтузиастов, немногочисленных, но обладающих большим творческим потенциалом. Власти мало помогали новым учреждениям, перекладывая на них инициативу. Свобода действий имела свои минусы — безденежье, материальные трудности, невозможность полноценно комплектовать музейные фонды — и плюсы — подталкивала к активизации выставочно-экспозиционной деятельности, поискам новых форм работы. Губернские музеи России сообща решали профессиональные задачи, предлагая свои региональные варианты. Они образовывали единое музейное пространство, поддерживая тесные профессиональные, творческие контакты. Зарождались международные связи. Главная отличительная особенность губернских музеев — это региональная направленность их собирательской и просветительской деятельности.

Музей и общество

Подводя в 1887 г. первые итоги деятельности ученой архивной комиссии, ее председатель отмечал отсутствие серьезных, систематических результатов. В качестве главной причины неудач он выделил то, что в губернии не было “истинных деятелей, действительных любителей и собирателей древностей”, без которых комиссия не сможет чего-либо добиться. В отчете за 1904—1905 гг. в числе особых трудностей выделяются две — материальная необеспеченность комиссии и крайнее равнодушие местного общества. Эти трудности постоянно сопровождали деятельность орловских энтузиастов.

Проблемы взаимодействия музея и общества нуждаются в уточнении понятия “провинциальная общественность”. Думается, что его следует рассматривать в узком и широком смысле. В узком понимании “общественность” включает в себя творческую и техническую интеллигенцию, дворян — любителей родной старины, передовую часть чиновничества, учащихся учебных заведений. Эта “общественность” имела контакты с губернским музеем и архивной комиссией, сотрудничала с ними, являлась их членами или корреспондентами. “Общественность” в широком смысле слова — жители губернского центра, уездов (мещане, купечество, чиновничество), которые мало или почти никак не реагировали на деятельность энтузиастов краеведения.

Причина малой заинтересованности широкой общественности в деятельности губернского музея и архивной комиссии кроется в сословном составе губернского города, основных занятиях и предпочтениях его жителей. По своему социальному составу Орел был мещанско-купеческим городом. В середине XIX в. число его жителей чуть превышало 30 тыс., город славился сильнейшими, часто случавшимися пожарами и обширной хлебной торговлей. «Главная промышленность здешнего купечества и мещанства производить торговлю разным хлебом, пенькою, коноплею, маслом, скотом, салом, медом и простым холстом. Эта торговля простирается до 4 600 000 рублей серебром»¹⁸. В начале XX в. ситуация несколько изменилась, число жителей выросло в три раза, в основном за счет осевшего в губернском городе крестьянства, привлеченного ростом промышленного производства. Вместо хлебной торговли активно функционировали винодельческие и пивоваренные заводы, табачные фабрики. Число учебных заведений в губернии достигло 2167. С 1892 г. в губернском центре начала действовать телефонная сеть, а в 1898 г. в городе появился имевшийся даже не во всех столичных городах трамвай. В Орле насчитывалось до 20 профессиональных и добровольных обществ, их численность доходила до 2000 человек, четверть которых находилась в уездных городах Орловской губернии.

Орел был весьма благополучен в плане наличия культурных и просветительских заведений. В нем выходило несколько газет — «Орловские губернские ведомости», «Орловский вестник», — имелся городской театр. «Сравнительно с другими городами, — писал литератор и краевед Павел Кречетов, — Орел может считаться просвещенным городом. В нем есть такие учебные заведения, которыми не всякий губернский город может похвалиться, например, институт благородных девиц, кадетский корпус. А остальные орловские учебные заведения духовные и светские, средние и низшие школы бесспорно одни из самых многолюдных в империи, <...> в Орле обучаются около 6 тысяч человек. Несмотря на то <...> общественная жизнь в нем (Орле. — *Авт.*) очень мало развита: многие такие симпатичные учреждения, как комитет народных чтений, *ученая архивная комиссия* и т.д., благодаря индифферентизму орловцев, влачат бедственное существование»¹⁹. «Индифферентизм» проявлялся в отсутствии заинтересованности в развитии деятельности общественных учреждений, в оказании им помощи со стороны губернской общественности.

Наряду с архивной комиссией в Орле существовало еще несколько обществ, интересующихся историей, искусством, среди них — Общество любителей изящных искусств (возникло в 1894 г.). Общество и комиссию связывали тесное сотрудничество и общие интересы. Неоднократно музей передавал обществу книги и ноты. В 1896 г. совместными усилиями была организована художественная

выставка с историческим и этнографическим разделами. Но подобные выставки не имели привлекательности для широкой городской общественности. Более близкими ей по духу были выставки, имевшие практическую направленность, — куроводства, зерноводства, свиноводства. Когда в Орле были выставлены картины передвижников, посетителей на выставке почти не было, в том, что касалось прекрасного, орловцы сохраняли устойчивое безразличие.

Выставочная деятельность комиссии и музея имела целью стимулировать художественную и интеллектуальную жизнь в губернии, пропагандируя деятельность комиссии, ее открытия, находки. В 1903 г. комиссия и музей упорно работали по устройству этнографического отдела Орловской сельскохозяйственной выставки. Демонстрируя этнографические предметы на этой выставке, комиссия пыталась зарекомендовать себя перед обществом, “выставляла перед ним свою деятельность с ясной для него стороны и приобретала возможность собрать материалы для коллекции, иллюстрирующей сельскохозяйственный быт населения Орловской губернии и способствующей разработке этнографии края”²⁰. Планы комиссии очевидны, поддержка общественности позволяла расширить источники пополнения музейных коллекций, привлечь меценатов и любителей старины к деятельности музея. Да и путь выбран самый удачный — сельскохозяйственная выставка. Экспонаты, представленные на выставке, были яркими, аттрактивными: археологическая и гипсометрическая карты края, модель археологического памятника “Чашин курган”. Достигнутый результат был вполне удовлетворительным. Общественное мнение признало, что этнографический отдел организован весьма удачно. Этнографические материалы привлекли внимание прессы, науки. Благодаря выставке удалось установить более прочные связи со столичными музеями, представителями науки. После выставки 1903 г. Орловская ученая архивная комиссия была взята под высочайшее покровительство великим князем Михаилом Александровичем, также посетившим выставку и отметившим ее этнографическую часть. Высочайшее покровительство давало надежду на улучшение финансирования комиссии, большую свободу действий. Но значительных изменений в жизнь комиссии и музея события 1903 г. не привнесли. Процесс влияния архивной комиссии на губернское общество имел односторонний характер. Инициатива общения исходила от комиссии, ее члены показывали пример благородного служения отечественной истории. Эти люди увлеченно изучали прошлое края, собирали исторические памятники, не жалея собственных средств.

Итак, следует отметить, что культурные институты, возникавшие во второй половине XIX в., стимулировали развитие в регионе культурных интересов, становление общества и региона в целом.

Ученые архивные комиссии, образованные по инициативе государства с целью пробудить интерес к местной истории, нашли свое выражение не только в исследовательской деятельности, но и в создании на основе своих исследований новых и для регионов и для России учреждений — губернских музеев. Музеи, имевшие историко-археологическую направленность, позволили архивным комиссиям наглядно донести до губернской общественности свои достижения, ознакомить со своими целями. Уже с самого момента своего возникновения губернские музеи имели предпочтения к просветительской деятельности, эта музейная функция получила наибольшее развитие на самом раннем этапе существования губернских музеев. Уровень влияния музеев на слои губернской общественности был неравномерен. Общественность, которая могла и хотела меняться под влиянием деятельности этих культурных институтов, была ограничена, в основном это была интеллигентская прослойка губернии, губернского центра, немногочисленная и не очень влиятельная. Процесс коммуникации между музеем, архивной комиссией и обществом имел скорее односторонний характер, особенно интенсивен он был со стороны культурных институтов, общественность в широком понимании этого слова была пассивна, предпочитая мероприятия более практического свойства. Однако в начале XX в. наблюдается увеличение числа членов комиссии, что свидетельствовало о повышении интереса к ее деятельности, пусть лишь со стороны просвещенной части губернского общества. Не без влияния комиссии и музея в губернском городе начинает развиваться коллекционирование в среде разночинной интеллигенции. На основе археологических исследований создаются усадебные музеи и коллекции.

Причиной устойчивого безразличия широкой губернской общественности к деятельности архивной комиссии и музея являются особенности сословно-профессионального состава губернского населения, его преимущественно купеческо-мещанский характер. Немаловажным фактором, ограничивающим влияние комиссии и музея на губернское общество, являлось тяжелое положение с финансированием этих учреждений, общественность редко отзывалась на обращения к нему за помощью со стороны музея и комиссии. Несмотря на то что деятельность комиссии и музея фактически способна была влиять лишь на небольшую часть губернского общества, благодаря своей просветительской деятельности они положили начало формированию устойчивого интереса к изучению региональной истории. Региональная направленность была характерна для деятельности и архивной комиссии, и музея. Деятельность архивной комиссии и губернского музея не только способствовала становлению музейного дела в российских губерниях, но и формировала устойчивый интерес к местной истории и культуре, что легло в основу краеведческого движения.

Примечания

- ¹ ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 26.
- ² Там же. Ед. хр. 9. Л. 2 об.
- ³ Там же. Ед. хр. 1. Л. 26.
- ⁴ Там же. Ф. 880. Стол. 2. Ед. хр. 2850. Л. 7 об.
- ⁵ А.Н. Шульгин — отставной генерал-артиллерист, краевед, историк, автор трудов по истории Орловского края. А.К. Юрасовский — богатый помещик Болховского уезда Орловской губернии, собиратель легенд, преданий Орловского края, коллекционер.
- ⁶ ГАОО. Ф. 880. Стол. 2. Ед. хр. 2850. Л. 7 об.
- ⁷ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1.
- ⁸ Орловские губернские ведомости. 1897. 7 дек. № 94.
- ⁹ ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2.
- ¹⁰ Там же. Л. 6 об.
- ¹¹ Там же. Л. 22 (речь идет о музеях в Ярославле и Твери).
- ¹² Орловские губернские ведомости. 1897. 7 дек. № 94.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 152—153.
- ¹⁵ Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1904—1905 гг. Орел, 1905. С. 18.
- ¹⁶ ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 139.
- ¹⁷ Там же. Ед. хр. 7. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 1. Л. 27.
- ¹⁹ *Кречетов П.И.* Город Орел. Путевые заметки, наброски из памятной книжки. Орел, 2003. С. 16—17.
- ²⁰ ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 21.